

Julia Tomczak <https://orcid.org/0009-0002-7888-0506>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

tomczak810@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА II ЧАСТИ ДЗЯДОВ А. МИЦКЕВИЧА С ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (ВЫБРАННЫЕ АСПЕКТЫ)

Linguistic Analysis of the Translation of Part II of Adam Mickiewicz's *Dziady* (*Forefathers' Eve*) from Polish into Russian (Selected Aspects)

Резюме

Целью настоящей статьи является лингвистический анализ некоторых аспектов перевода II части *Дзядов* А. Мицкевича Л.Н. Мартыновым.

Важность данного исследования определяется тем, что данная поэма является интертекстом в польском социуме, поэтому необходимо рассматривать ее в разных аспектах. К тому же II часть *Дзядов* не так часто является объектом научных исследований, как, например, III часть той же поэмы, а также другие тексты А. Мицкевича вообще.

Перевод Л.Н. Мартынова является наиболее распространенным. Его несложно найти в интернет-ресурсах. Главным, на что мы обратили внимание, является подборка слов и позднейшее восприятие текста реципиентом.

Для исследования использовались описательный и сравнительный методы.

Исследуя данные особенности перевода, мы пришли к выводу, что некоторые переводческие приемы создают у читателя другой образ, чем в подлиннике. Хотя следует подчеркнуть, что это не имеет сильного влияния на общее восприятие данного фрагмента.

Однако в связи с тем, что мы исследовали лишь фрагмент первой части данного произведения, в котором речь идет о душах умерших детей с самым легким грехом, то в будущем стоит расширить объект исследования. Смотри на текст в целом, можно заметить, что он является более сложным для восприятия, поэтому кроме анализа отдельных фрагментов, следует его рассматривать полностью. Только комплексный анализ позволит прийти к выводу, насколько данный перевод соответствует подлиннику.

Ключевые слова: перевод, сравнительный анализ, *Дзяды*, А. Мицкевич, Л.Н. Мартынов.

Summary

The purpose of this article is to provide a linguistic analysis of selected aspects of L.N. Martynov's translation of Part II of Adam Mickiewicz's *Dziady* (*Forefathers' Eve*).

The significance of this research lies in the fact that *Dziady* is a foundational intertext within Polish culture, necessitating its study from various perspectives. Furthermore, Part II of *Dziady* has received comparatively less scholarly attention than Part III or Mickiewicz's other works.

L.N. Martynov's translation is the most widely recognized version and is easily accessible via online resources. This study focuses particularly on word choice and how the translated text is perceived by the target audience. Descriptive and comparative methods were employed in the analysis.

The findings indicate that certain translation strategies employed by Martynov result in a slightly altered image for the reader compared to the original. However, this does not significantly affect the overall reception of this fragment.

It is worth noting that this study examines only a fragment of Part II, specifically the section concerning the souls of deceased children with minor sins. Future research should expand the scope to include a comprehensive analysis of the entire text. A broader perspective would reveal the challenges posed by the full poem's complexity and allow for a more accurate assessment of how well the translation aligns with the original.

Keywords: translation, comparative analysis, *Dziady* (*Forefathers' Eve*), A. Mickiewicz, L.N. Martynov.

Без сомнений, исследование проблем перевода всегда будет актуальным и интересным с точки зрения восприятия его реципиентом. Следует подчеркнуть факт, что перевод, особенно художественных текстов, может охватывать несколько дисциплин, в том числе языкознание, литературоведение и психолингвистику. Можно сказать, что это своего рода сотрудничество наук, благодаря которым информация может быть вполне донесена до адресата (Петрова, 2019, 2). Поэтому предметом нашего исследования стал перевод значимой для всех поляков поэмы, а именно *Дзядов* Адама Мицкевича. Автор был основоположником польского романтизма, а его творчество охватывает огромное количество произведений, которые играют существенную роль в польском социуме. Его романтически-драматическая поэма *Дзяды* насчитывает четыре части (изданные в очереди: II, IV, III, I), однако мы сосредоточим наше внимание на фрагментах II части, опубликованной в 1823 году (Федута, 2004–2007). Наш интерес к данной теме был вызван тем, что II часть *Дзядов* не пользуется такой популярностью, как например, III часть той же поэмы, которая является объектом рассмотрения разных аспектов. Именно она привлекает большинство исследователей, в том числе знаменитого Б.Ф. Стахеева. Во время анализа мы хотим обратить внимание на несколько аспектов. Во-первых, на аспект подборки слов и лексических различий между подлинником и переводом; во-вторых, мы постараемся ответить на вопрос: как переводческие приемы могут действовать на читателя и одновременно изменять создаваемый им образ событий, представленных в тексте.

Оригинальное произведение было написано Адамом Мицкевичем в начале XIX века и в это же время появился первый перевод II части *Дзядов*, опубликованный в *Невском альманахе на 1829 год* М. Вронченком. Потом II часть указывается в демократическом журнале *Русское слово*, а в 1863 году, благодаря В. Бенедиктову появляется полный перевод (Стахеев, 1968). Однако в данной статье мы рассмотрим перевод 1955 года, автором которого является Леонид Николаевич Мартынов. Его, как единственного можно найти на интернет-ресурсах. В связи с ограничением доступа к научным источникам в интернете, остальные переводы невозможно найти.

Перед тем как начать анализировать данный перевод, мы бы хотели привести краткое содержание данного фрагмента сюжета, который поможет глубже понять реалии и суть данного произведения¹. Мы сосредоточим наше внимание на первом фрагменте второй части *Дзядов*, в которой принимают участие Кудесник, Старец и Хор крестьян, а действие проходит вечером в часовне. Кудесник и Старец проводят обряд дзядов, который заключался в призывании умерших, чтобы принести им жертвы и тем самым спасти их души. Роль Хора крестьян состоит в том, чтобы поддерживать и вторить исполнителям. В ходе этих событий появляются два ангела – это души умерших детей, а точнее, брата и сестры. Кудесник предлагает им еду, но души отказываются, говоря, что там, куда они попали после смерти, еды достаточно и у них совсем другая проблема. Оказывается, что они проводят время в играх, но их души не могут найти дорогу на небо. Причиной того стал факт, что брат и сестра умерли рано, были безгрешными и не успели познать горечь жизни. Чтобы почувствовать эту горечь, дети просят у Кудесника два горчичных зерна. Получив зерна, души младенцев улетают.

Перед тем как начнем анализировать содержание, обратимся к структуре поэмы. В подлиннике появляется силлабическая система стихотворения и женская рифма, а в переводе уже замечается силлабо-тоническая система². Однако сама форма не влияет на восприятие данного произведения читателем, поскольку переводчик сохранил стихотворную и драматическую структуру текста.

Далее, на что мы обратили внимание – это перевод действующих лиц, и в данной области мы заметили несколько явлений. Эта проблема показалась нам интересной, поскольку обычно переводчики придерживаются одной из возможностей. Во первых, транскрибирование: *Józio* – Юзе, *Rózia* – Рузя. Во-вторых, появляющиеся в подлиннике *Starzec* и *Chór*, в переводе

¹ В дальнейшем все цитаты из *Дзядов* А. Мицкевича на польском языке приводятся по источнику: <https://wolnelektury.pl/media/book/pdf/dziady-dziady-poema-dziady-czesc-ii.pdf>, доступ: 05.05.2024.

² В дальнейшем все цитаты из *Дзядов* А. Мицкевича на русском языке приводятся по источнику: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/mickevich-adam/stihotvoreniya-poemi/7>, доступ: 05.05.2024.

выступают в виде полного эквивалента: *Старец* и *Хор*. В-третьих, польский *Aniołek* один раз появляется как *Ангелок*, а затем как *Ангелочек*. И в-четвертых, в переводе *Кудесник* тот, кто в польском тексте *Guślarz*.

Сосредоточим наше внимание на слове *Guślarz*, которое происходит от польского *gusła*. Согласно *Словарю современного польского языка*, *gusła* – это ритуалы народной культуры, связанные с практикой вызова духов, сопровождаемые заклинаниями и колдовством (Dunaj, 1996). Т.Ф. Ефремова отмечает, что *колдовство* означает занятие магией как ремеслом, при котором видны контакты со сверхъестественными силами (Ефремова, 2000). Однако само колдовство сформировалось у славян от волхвов и волховании – древнерусские языческие волхвы вели богослужения, приносили ритуальные жертвы, прорицали будущее и могли заклинать природные явления (Толстой, 1995). Итак, автор перевода решился на слово *Кудесник*, которое является родственным слову *чудеса*, но происходит от существительного *кудесъ*, значит колдовство (Крылов, 2005). В этом отношении следует еще рассмотреть возможность применения слова *колдун*, означающее человека, занимающегося колдовством (Ожегов, Шведова, 1992). К тому же существует еще *чародей* – человек, который производит магические действия (Вихлянцева, 1994) и *волшебник*, являющийся сказочным персонажем, могущим совершать чудеса (Ефремова, 2000).

Следующее, на что мы хотели бы обратить внимание – это первые слова Хора. В польском языке они являются устойчивым выражением: «*Ciemno wszędzie, głucho wszędzie, / Co to będzie, co to będzie?*». Оно стало устойчивым благодаря тому, что произведение А. Мицкевича было включено в обязательную программу обучения польскому языку и относится к культурно-языковому фону. Данное выражение было переведено как «Глушь повсюду, тьма ложится, / Что-то будет, что случится?». В первой строке появляются другие слова – наречия заменяются существительными и замечается другую очередь слов, в переводе сначала наблюдается слуховые ощущения и только потом визуальные. Что касается всей строфы – нет повторения слов *wszędzie* (*везде*) и *będzie* (*будет*), но это сильно не влияет на восприятие образа. Однако, что следует подчеркнуть, оно не остается в памяти читателя, носителя русского языка и не воспринимается в позднейших произведениях как интертекст.

Следуя дальше, рассмотрим первую реплику Кудесника:

GUŚLARZ

Zamknijcie drzwi od kaplicy
I stańcie dokoła truny;
Żadnej lampy, żadnej świecy,
W oknach zawieście całuny.
Niech księżyc jasność błada
Szczelinami tu nie wpada.
Tylko żwawo, tylko śmiało.

Эти слова Л.Н. Мартынов переводит следующим образом:

Кудесник
Дверь часовни затворите,
Станьте перед домовиной;
Все лампы потушите,
Не оставьте ни единой.
А на окна – покрывала,
Чтоб луна не проникала.
Ну-ка, живо, смело, дружно!

Итак, в подлиннике в этой реплике отмечены 7 строк с перекрестной рифмовкой: *kaplicy-świecy, truny-całuny, blada-wpada* и последняя строка остается без рифмы. В переводе опускается строка о лучах Луны: «*Szczelinami tu nie wpada*», – она заменяется акцентом на отсутствие света от лампы: «Не оставьте ни единой». В связи с изменениями возникает вопрос о рифме. Получаются две рифмы перекрестные: *затворите-потушите, домовиной-единой*, одна парная: *покрывала-проникала*. Но как в подлиннике последняя строка остается без рифмы? Что касается образа Луны А. Мицкевича, то он играет немаловажную роль, поскольку различные обряды были связаны с явлениями природы, а Луна представляется свидетелем всего происшествя, и она должна им быть. Таким образом А. Мицкевич подчеркивает таинственность данного обряда и тем самым вызывает это чувство у реципиента.

Надо отметить, что переводчик старается сохранить стиль произведения, написанного в XIX веке. Мы отмечаем архаизацию в тексте перевода и рассмотрим ее на примерах из этой строфы: у А. Мицкевича появляется *truna*, в переводе как *домовина*, что раньше обозначало гроб. Дальше – «*Żadnej lampy, żadnej świecy*», в переводе «Все лампы потушите» кроме того, что в этой строке наступает сужение образа (отсутствуют свечи), то применяемое слово *лампада* означает сосуд, который вешают перед иконами (Вихлянцев, 1994). «*W oknach zawieście całuny*» «А на окна – покрывала,» в Польше *całunami* назывались *саваны* – специальный вид одежды для усопшего, которым накрывали тело в гробу (Dunaj, 1996). В Польше он существует в черном цвете, а в России саван обычно белый. В слове *покрывало* нет информации про цвет, можем догадаться, что подразумевается темная ткань (Ожегов, Шведова, 1992).

Также интересной является вторая реплика Кудесника:

GUŚLARZ
Czyscowe duszeczki!
W jakiegokolwiek świata stronie:
Czyli która w smole płonie,
Czyli marznie na dnie rzeczki,
Czyli dla dotkliwszej kary
W surowym wszczepiona drewnie,

Gdy ją w piecu gryzą żary,
I piszczy, i płacze rzewnie;
Każda spieszcie do gromady!
Gromada niech się tu zbierze!
Oto obchodzimy Dziady!
Zstępujcie w święty przybytek;
Jest jałmużna, są pacierze,
I jedzenie, i napitek.

Л.Н. Мартынов перевел эту часть следующим образом:

Кудесник
Чистилища души
В воде и на суше
Вы, пылающие в смолах
Где-то в огненной геенне,
Или зябнувшие в речках,
Иль для мук, стократ тяжелых,
Грубо вбитые в поленья,
Чтоб пищать и плакать в печках, –
Мчитесь к нам! Врата открыты
Дома этого святого,
Милостыня вам готова –
Угощенья, и напитки,
И молитвы, и обряды –
Будет все у вас в избытке:
Нынче мы справляем Дзяды!

Во второй реплике Кудесника в оригинале насчитывается четырнадцать строк, а в переводе – пятнадцать. Смотря дальше, в первой строке отсутствует ласкательно-уменьшительное слово *duśeczki* и вместо него появляется нейтральное слово *души*. Далее наступает замена и уменьшение образа: «W jakiegokolwiek świata stronie» – «В воде и на суше». В третьей строке: «Czyli która w smole płonie», в свою очередь, наступает расширение образа, которое переносится на четвертую строку: «Вы, пылающие в смолах/ Где-то в огненной геенне», хотя в подлиннике не появляется геенна, которая является символом судного дня в иудаизме и христианстве. В строках номер девять и десять: «Każda spieszcie do gromady! / Gromada niech się tu zbierze!» в переводе появляется «Мчитесь к нам! Врата открыты», немного расширяется образ метафорой *врата открыты* и опускаются строки про группу людей, которые собрались в часовне. Замечается также другая очередь строк: в подлиннике сначала идет «официальное» начало праздника «Oto obchodzimy Dziady», а только потом рассказывается о милостыне для душ. В переводе сначала появляется поощрение, только потом начало праздника.

Коротко прокомментируем реплику Хора: «*Mówcie, komu czego braknie, / Kto z was pragnie, kto z was łaknie.*», которая переводится: «Что вам дать? Пусть молвит каждый! / Голодом томитесь? Жаждой?». В польском варианте используется повелительное наклонение, благодаря которому польский читатель воспринимает Хор более уважительно. В переводе доминируют вопросы, которые русский реципиент может понять как благосклонность Хора.

Приблизим следующую реплику Кудесника:

GUŚLARZ

Patrzcie, ach, patrzcie do góry,
Cóż tam pod sklepieniem świeci?
Oto złocistym pióro
Trzepioce się dwoje dzieci.
Jak listek z listkiem w powiewie,
Kręca się pod cerkwi wierzchołkiem;
Jak gołąbek z gołąbkim na drzewie,
Jak aniołek igra z aniołkiem.

И ее перевод Л. Н. Мартыновым:

Кудесник

Ах, смотрите! Кто сияет
Там, вверху, под сводом мгlistым,
Опереньем золотистым?
Два младенчика летают!
Как под ветерком листочки
На трепещущем сучочке,
Как птенцы, как голубочки,
Там играют ангелочки!

Рассматривая данную реплику можно заметить, что переводчик расширяет образ «сводом мгlistым», который может влиять на восприятие текста, поскольку таким образом подчеркивается сильное сияние пришедших душ. Здесь тоже замечается архаизация – «*złocistym pióro*» на «опереньем золотистым». Дальше в переводе, скорее всего, появляется образ летающих ангелов, где в подлиннике излагается информация, что они крутятся, имеется в виду то, что они еще дети и это своего рода игра. К тому же строки «*Jak gołąbek z gołąbkim na drzewie, / Jak aniołek igra z aniołkiem*» заменяются «Как птенцы, как голубочки, / Там играют ангелочки». А. Мицкевич, используя прием дублирования слова *голубочки*, вызывает чувство неразрывности детей, а переводческие *птенцы*, скорее всего, указывают на их молодой возраст.

Следует обратить внимание на реплику Ангелка:

ANIOŁEK

(do jednej z wieśniaczek)

Do mamy lecim, do mamy.
Cóż to, mamó, nie znasz Józia?
Ja to Józio, ja ten samy,
A to siostra moja Rózia.
My teraz w raju latamy,
Tam nam lepiej niż u mamy.
Patrz, jakie główki w promieniu,
Ubiór z jutrzeńki światełka,
A na oboim ramieniu
Jak u motylków skrzydełka.
W raju wszystkiego dostatek,
Co dzień to inna zabawka:
Gdzie stąpim, wypływa trawka,
Gdzie dotknem, rozkwita kwiatek.
Lecz choć wszystkiego dostatek,
Dręczy nas nuda i trwoga.
Ach, mamó, dla twoich dziatek
Zamknięta do nieba droga!

И в переводе звучит она следующим образом:

Ангелок
(одной из крестьянок)
А мы – к маме. Что-то с мамой!
Мама, ты узнала Юзя?
Я ведь Юзе! Я – тот самый!
А со мной – сестричка Рузя.
С неба мы, из рая прямо!
Там нам лучше, чем у мамы!
Посмотри – какие крылья!
Мы, как бабочки, порхаем.
Нас в сиянье нарядили –
Мы, как лучики, сверкаем!
Там, в раю, всего в достатке,
Вечно новые забавы:
Где мы ступим – блещут травы,
Гдедохнем – цветут дубравы!
Но хотя всего в достатке –
Мы в печали, мы в тревоге...
Мама! Мы, твои ребятки,
В небо не найдем дороги!

Ангелок в переводе вместо повторения «к маме» говорит «что-то с мамой», и таким образом, у читателя может возникнуть некая забота, которой не ощущается в подлиннике. Дальше, замечаем замену образа: в оригинале Ангелок говорит об их головках в лучах (можем догадаться, что солнечных), наряде в цветах зари и только потом, что рядом с их плечами появились крылья, как у бабочек. В переводе Ангелочек сразу дает

информацию о том, что у них выросли крылья и то еще «какие крылья!», а дальше говорит, что «Мы, как бабочки, порхаем», что немного расширяет образ, поскольку в подлиннике не упоминается об этом. Еще на что следует обратить внимание – это строки «Gdzie stąpić, wypływa trawka, / Gdzie dotknijemy, rozkwita kwiatek», которые в переводе звучат: «Где мы ступим – блещут травы, / Гдедохнем – цветут дубравы!». Кроме того, что выражение «gdzie dotknijemy» (точный перевод «куда прикоснемся») заменяется на *дохнем*, то польское слово *kwiatek* ассоциируется с чем-то милым, нежным и чистым, а *дубравы* (дубовые леса), хотя и являются частью природы, то, скорее всего, вызывают другой образ, более мощный и масштабный. Во фразе «dręczy nas nuda i trwoga» – «мы в печали и тревоге» местоимение *мы* касается читателей, переживающих другие эмоции, и именно поэтому польское имя существительное *nuda* переводится как *скука*. Выражение «в небо не найдем дороги» отличается от текста оригинала «zamknięta do nieba droga» и значит ‘они не смогут туда попасть’, а не ‘они потерялись’.

После фразы «в небо не найдем дороги» в оригинале Хор должен повторить последние слова Ангелка (заменяется только местоимение с *нас* на *их*):

Lecz choć wszystkiego dostatek,
Dręczy ich nuda i trwoga.
Ach, mamo, dla twoich dziątek
Zamknięta do nieba droga!

В переводе же Хор произносит слова:

Да, хотя всего в достатке,
Все же души их в тревоге!
Слышишь, мать: твои ребятки
В небо не нашли дороги!

Такой прием подчеркивает данную фразу и одновременно должен усиливать чувства читателя. В переводе отсутствует повторение строк, появляются новые слова, однако кроме других эмоций, это сильно не влияет на восприятие поэтического образа.

Обратим еще внимание на следующую реплику, т.е. слова, с которыми в этот раз выступает Ангелочек (не Ангелком): «Nie o pączki, mleczka, chrusty» – «Молоком не угощайте, / Пирожков не надо тоже, / И не хочется печенья». Сам смысл, что души не хотят еды сохраняется, но подборка слов создает другой образ, поскольку *pączki* (пончики) и *chrusty* (хворосты) ассоциируются с польскими блюдами. *Пирожки* в Польше не имеют той традиции как в России или странах бывшего соцпространства, а *печенья* как польские *ciastka* могут быть разными.

Обратим внимание на последнюю реплику Кудесника в этом фрагменте:

GUŚLARZ

Aniołku, duszeczeko!
 Czego chciałeś, macie obie.
 To ziarneczko, to ziarneczko,
 Teraz z Bogiem idźcie sobie.
 A kto prośby nie posłucha,
 W imię Ojca, Syna, Ducha.
 Widzicie Pański krzyż?
 Nie chcecie jadła, napoju,
 Zostawcież nas w pokoju!
 A kysz, a kysz!

Л.Н. Мартынов перевел эту реплику следующим образом:

Кудесник
 Детки горемычные,
 Вот вам на дорогу
 Два зерна горчичные
 И – летите к богу!
 А чье ухо к просьбам глухо –
 Во имя отца и сына и святого духа! –
 Видите господень крест?
 Кто не пьет здесь и не ест –
 Убирайтесь прочь от нас!
 Кыш! Сгиньте с глаз!

Итак, в подлиннике сначала появляется ласковое обращение «Aniołku, duszeczeko!», значит «Ангелочек, душенька!», что подчеркивает ласковое отношение говорящего к детям. В переводческом обращении «Детки горемычные» теряется ласка Кудесника и определенно указывается на мучения детей. Далее, польское «Teraz z Bogiem idźcie sobie» означает желание счастливого пути под покровительством Божиим. В переводе дается «летите к богу!», которое не означает такого же пожелания, а указывает на направление, которому должны следовать дети. К тому же в последней строке наблюдается повторение «A kysz, a kysz!», но в переводе этот повтор отсутствует. Также в последних строках усиливается желание, чтобы призраки исчезли: «Убирайтесь прочь от нас! / Кыш! Сгиньте с глаз!», в то время как в польском варианте оно более нейтральное: «Zostawcież nas w pokoju! / A kysz, a kysz!».

Подытоживая, мы считаем, что переводчик правильно отобразил настроения, царящие в *Дзядях* Адама Мицкевича. Сомнения могут возникнуть, когда переводчик использует те или иные лексические средства, но, смотря на произведение в целом, обозначенные нами элементы не влияют существенно на восприятие текста. И таким образом, в выбранных нами фрагментах пере-

водчик передал главный смысл обряда – вызов душ, не попавших в рай, и помощь, которую предлагали крестьяне. «Дзяды», как представляет Мицкевич, – это обряд, который соединяет в себе христианские и языческие традиции, поэтому в переводе появляются приметы, например часовня и в ней вызываются души. А это уже характеристика описываемого нами праздника.

БИБЛИОГРАФИЯ (REFERENCES)

- Вихлянцев, В.П. (1994). *Библейский словарь*, https://medialib.adventist.su/wp-content/uploads/books/vihlyanzen_v_bibleyskiy_slovar/vihlyanzen_bibleyskiy_slovar.pdf, доступ: 05.05.2024.
- Ефремова, Т.Ф. (2000). *Современный толковый словарь русского языка*, <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index.htm>, доступ: 05.05.2024.
- Крылов, Г.А. (2005). *Этимологический словарь русского языка*, https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_ETYMOLOGIQUE-KRYLOV.pdf, доступ: 05.05.2024.
- Мицкевич, А. *Дзяды*, часть II, <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/mickevich-adam/stihotvoreniya-poemi/7>, доступ: 05.05.2024.
- Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. (1992). *Толковый словарь русского языка (С–Я)*, http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt, доступ: 05.05.2024.
- Петрова, М.В., Жебраткина, И.Я. (2019). *Теория перевода*, Балтийский гуманитарный журнал, 3 (28), 8, <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-perevoda/viewer>, доступ: 05.05.2024.
- Стахеев, Б.Ю. (1968). *Адам Мицкевич. Стихотворения. Поэмы (35–36)*. Москва: Художественная литература, <https://profilib.org/chtenie/50098/adam-mitskevich-stikhotvoreniya-poemu.php>, доступ: 05.05.2024.
- Толстой, Н.И. (ред.). (1995). *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, https://archive.org/stream/slavyanskiedrevnostikn141993g/Slavyanskie_drevnosti_kn_1-4_1993g_djvu.txt, доступ: 05.05.2024.
- Федута, А.И. (2004–2007). *Большая российская энциклопедия*. <https://old.bigenc.ru/literature/text/2219554>, доступ: 05.05.2024.

- Dunaj, B. (red.). (1996). *Słownik współczesnego języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Wilga.
- Efremova, T.F. (2000). *Sovremenniy tolkovyi slovar' russkogo yazyka*, <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index.htm>, accessed: 05.05.2024.
- Feduta, A.I. (2004–2007). *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya*, <https://old.bigenc.ru/literature/text/2219554>, accessed: 05.05.2024.
- Krylov, G.A. (2005). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*, https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_ETYMOLOGIQUE-KRYLOV.pdf, accessed: 05.05.2024.
- Mickiewicz, A. *Dziady*, część II, <https://wolnelektury.pl/media/book/pdf/dziady-dziady-poema-dziady-czesc-ii.pdf>, accessed: 05.05.2024.

- Mitskevich, A. *Dzyady, chast' II*, <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/mickevich-adam/stihotvoreniya-poemi/7>, accessed: 05.05.2024.
- Ozhegov, C.I, Shvedova, N.Yu. (1992). *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* (S–Ya), http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt, accessed: 05.05.2024.
- Petrova, M.V., Zhebratkina, I.Ya. (2019). Teoriya perevoda, *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 3 (28), 8, <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-perevoda/viewer>, accessed: 05.05.2024.
- Stakheev, B.Yu. (1968). *Adam Mitskevich. Stikhotvoreniya. Poemy*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 35–36, <https://profilib.org/chtenie/50098/adam-mitskevich-stikhotvoreniya-poemy.php>, accessed: 05.05.2024.
- Tolstoi, N.I. (red.). (1995). *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, https://archive.org/stream/slavyanskiedrevnostikn141993g/Slavyanskije_drevnosti_kn_1-4_1993g_djvu.txt, accessed: 05.05.2024.
- Vikhlyantsev, V.P. (1994). *Bibleiskii slovar'*, https://medialib.adventist.su/wp-content/uploads/books/vihlyanzev_-_bibleyskiy_slovar/vihlyanzev_bibleyskiy_slovar.pdf, accessed: 05.05.2024.